

УДК 341.1(51)

**Конвергенция юридических и лингвистических методов
в сравнительном правоведении:
юридическая компаративистская лингвистика**

Амосова Татьяна Владимировна

Кандидат филологических наук, доцент,
заведующая кафедрой общегуманитарных и социально-экономических дисциплин,
Иркутский юридический институт, филиал Академии Генеральной прокуратуры РФ,
664000, Российская Федерация, Иркутск, ул. Шевцова, 1;
e.mail: ipkpr@irmail.ru

Юрковский Алексей Владимирович

Кандидат юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин,
Иркутский юридический институт, филиал Академии Генеральной прокуратуры РФ,
664000, Российская Федерация, Иркутск, ул. Шевцова, 1;
e-mail: avyurkovsky@mail.ru

Юрковская Елена Александровна

Кандидат филологических наук,
доцент кафедры английской филологии,
Евразийский лингвистический институт,
филиал Московского государственного лингвистического университета,
664025, Российская Федерация, Иркутск, ул. Ленина, 8;
e-mail: info@islu.ru

Аннотация

Статья посвящена анализу прикладного значения методологии лингвистики и сравнительного правоведения. В статье доказывается гипотеза о том, что язык и право тесно связаны и находятся в отношениях взаимодействия. Методология работы включает в себя применение общенаучных методов, таких как анализ и сопоставление. Рассмотрены наиболее устойчивые, фундаментальные идеи, начала, требования данных направлений гуманитарной науки. Проанализирована специфика конвергенции методов

лингвистики и сравнительного правоведения. Предложена формулировка юридической компаративистской лингвистики, имеющая значение для определения последующих лингвистических и сравнительно-правовых исследований формирования правовой материи, осуществления правового регулирования, социально-нравственных ориентиров правотворчества, правовой интерпретации и правоприменения. Итогом данного исследования является доказательство рабочей гипотезы: юридическая компаративистская лингвистика – это неотъемлемый элемент сравнительного правоведения.

Для цитирования в научных исследованиях

Амосова Т.В., Юрковский А.В., Юрковская Е.А. Конвергенция юридических и лингвистических методов в сравнительном правоведении: юридическая компаративистская лингвистика // Вопросы российского и международного права. 2016. № 9. С. 96-107.

Ключевые слова

Лингвистика, сравнительное правоведение, язык, термин, нормы права, позитивное право, ценности, принципы права, государственная власть, юридическая компаративистская лингвистика.

Введение

Объект сравнительного правоведения представляет собой абстракцию множества обстоятельств реального мира, зафиксированных в нормах позитивного права, либо обстоятельств, которые нуждаются в правовой фиксации. Для сравнительного правоведения важно, чтобы объект исследования проявлялся в виде обстоятельств объективной действительности, которые обладают одинаковыми либо сходными характеристиками или, по крайней мере, сопоставимыми закономерностями сравниваемых признаков.

Специфика сравнительно-правовых исследований обусловлена необходимостью сопоставления отдельно взятых определенных, социально-культурных сред, совокупности множества обстоятельств реального мира, которые соотносятся по определенным параметрам и критериям. Основной характеристикой объектов сравнительного правоведения является состав их атрибутов (свойств).

Феноменология позитивного права неразрывно связана с феноменологией языка. Можно сказать, что позитивное право проявляется как языковой феномен культурного свойства.

С методологической точки зрения сравнительное правоведение, характеризуется особым инструментарием. В нём помимо общефилософских и общенаучных методов присутствуют специальные, использующие данные других наук, и субстантивно они относятся к иным отраслям гуманитарного знания. В нашем случае, речь идет о лингвистических методах в сравнительно-правовых исследованиях.

Процесс конвергенции юридических и лингвистических методов и применение компаративистской лингвистики в рамках сравнительного правоведения

В ходе компаративистских исследований важнейшим этапом, стадией научного поиска выступает процесс сбора необходимого правового материала, его обработка и адаптация к языковым особенностям страны, в которой проводятся сравнительно-правовые исследования, что влечёт за собой целый спектр проблем для исследователя.

Как нам представляется, любые направления сравнительно-правовой деятельности должны быть нацелены на *создание новых, объективных, аргументированных и верифицированных частных теорий*, либо являться продолжением, развитием уже существующих подходов.

Очевидно, что на стадии постановки проблемы поиска эмпирического материала в сравнительном правоведении следует одновременно учитывать необходимость осмысления языка исследуемых правовых материй как самостоятельной системы. Поэтому в качестве одной из первостепенных задач сравнительного правоведения следует рассматривать задачу применения лингвистических методов исследования правового материала. Лингвистический анализ юридической материи связан с адекватным описанием и интерпретацией отношений, в которых находятся составные элементы языковой системы. Языковая система сложна, и сложность ее проявляется, прежде всего, в её многомерности, то есть в том, что она складывается из ряда подсистем.

Принято считать, что рассматриваемые подсистемы образуют уровни языка. Для объективации научных выводов, юридические материалы, фигурирующие в сравнительно-правовых исследованиях, необходимо пропускать через критерии лингвистических параметров исследования:

- 1) фонетико-фонологический;
- 2) морфемный;
- 3) лексико-семантический;
- 4) синтаксический.

С точки зрения потребностей собственно сравнительного правоведения чрезвычайно актуальной является проблема полноты и всесторонности изучения сложных социальных феноменов. В настоящее время правовой материал из различных культур в сравнительно-правовых штудиях не всегда исследуется через призму всестороннего изучения конкретной материи (естественного, позитивного, объективного, субъективного права) — реального бытия права, проявляющегося в различных его значениях, его структуре, закономерностях развития, вероятных прогнозах трансформации. Использование устоявшихся сугубо теоретических конструкций, не имеющих достаточного эмпирического подтверждения, превращаются в клише, и вряд ли могут привести к объективным выводам о существующей

правовой действительности. Без обращения к новому эмпирическому материалу избыточное теоретизирование часто не позволяет ни добывать новые знания, ни по-новому интерпретировать уже полученные результаты. В этой ситуации конвергенция методов лингвистики и сравнительного правоведения необходима, а технологически она возможна в рамках соответствующей научной парадигмы.

Термин «парадигма научного знания» введенный Т. Куном в его работе «Структура научных революций», как известно, означает «признанные всеми научные достижения, которые в течение определенного времени дают научному сообществу модель постановки проблем и их решений» [Kuhn, 1962].

Представляется, что для целей сравнительно-правовых исследований продуктивными являются три основные научные парадигмы лингвистики, такие как сравнительно-историческая, системно-структурная и антропоцентрическая.

XIX столетие было триумфом сравнительного метода в языкознании. Работы Ф. Боппа, Р. Раска, В. фон Гумбольдта, Я. Гримма доказали принципиальную применимость сравнения как метода в области гуманитарного научного знания, где эксперимент невозможен. В настоящее время сравнительно-историческое языкознание, имеющее большие заслуги не только перед лингвистикой, рассматривает вопросы происхождения языков, реконструкции праязыка, установления соотношений между родственными языками и описанием их эволюции, а так же занимается созданием сравнительно-исторических грамматик и словарей [Звегинцев, 1964; Кравченко, 1996; Кромм, 2015; Куликова, Салмина, 2002; Левитан, 2012].

Системно-структурная парадигма со времён Ф. де Соссюра с начала XX века и до наших дней в исследованиях постструктуралистов [Фуко, 1994], характеризуется стремлением исследовать внутренние отношения и зависимости компонентов языка, его структуру (понимаемую по-разному различными направлениями структурализма), организацию, а объектом лингвистики должен быть язык «в себе и для себя» [Соссюр, 1977, 96].

Современный антропоцентрический методологический поворот в лингвистике явился осознанием того, что «язык, будучи человеческим установлением, не может быть понят и объяснен вне связи с его создателем и пользователем» [Кравченко, 1996, 6]. Истоки «антропоцентризма» восходят к идеям В. фон Гумбольдта который отмечал, что «человек становится человеком только через язык, в котором действуют творческие первосилы человека, его глубинные возможности. Язык есть единая духовная энергия народа» [Гумбольдт, 1984, 314].

Методологически конвергенция лингвистики и сравнительного правоведения в качестве необходимого условия ставит проблему наличия определённых личностных качеств исследователей права. Очевидно, что личностные качества исследователя не могут не влиять на степень объективности результатов научного исследования в сравнительном правоведении. Да и в целом, современная гуманитарная наука всё больше нуждается в учёных с широтой охвата исследуемых объектов, энциклопедичностью знаний, владеющих междисциплинарными методами исследований, знакомых с методами и методиками других наук.

Кроме того более чем актуальной является проблема доступа исследователей объективного права к массивам правового материала, имеющего языковую форму выражения. Современные исследователи-юристы, обращая свое внимание на зарубежные источники права, очень мало внимания уделяют его содержанию, и еще меньше внимания уделяют деталям практики его применения потому, что, чаще всего, они не обладают достаточной квалификацией в сфере лингвистики. В свою очередь профессиональные лингвисты, не имея специальной правовой подготовки, подготовки в вопросах юриспруденции вряд ли способны прийти к объективным и результативным выводам в правовых исследованиях. И конвергенция методов лингвистики и сравнительного правоведения может быть крайне полезной. Так, узкий круг профессионалов знает о возможностях обобщения больших массивов информации правового характера поступающей из различных стран современного мира за счет лингвистической специализации по языковым группам.

Для обретения сравнительным правоведением статуса прогрессивной просветительской и новаторской науки, необходимо приоритетно ставить вопрос о вооружении сравнительного правоведения лингвистическими методами исследований, посредством которых научные перспективы перейдут в плоскость изучения специфики особенностей самих правовых материй и практик применения права в различных государствах, существовавших исторически и существующих в современном мире, вместо изучения научных клише об этих явлениях.

Для обеспечения интересов гуманитарной науки, полагаем необходимым поставить вопрос об объединении методологических усилий лингвистики и сравнительного правоведения с целью выделения особого вида технологического инструментария, который необходимо использовать для расширения состава объективного эмпирического материала в сравнительном правоведении.

Решение поставленной задачи предполагает выделение юридической компаративистской лингвистики, как раздела гуманитарной науки. Предлагаем базовое определение выдвинутого понятия и характеристику основных его признаков.

Юридическая компаративистская лингвистика – это комплексный раздел гуманитарной науки, представляющий собой синтез юриспруденции и лингвистики, система знаний об устном или письменном использовании языка в процессах коммуникации и исследования государственных и правовых обстоятельств реальной действительности.

Юридическая компаративистская лингвистика – это приоритетно раздел лингвистической науки. Существует огромное количество определений науки о языке, и нет единого термина, номинирующего соответствующую научную отрасль. Наряду с термином «лингвистика» употребляются термины «языкознание», «языковедение». В соответствии с общепринятой точкой зрения предметом лингвистики является язык в широком смысле, как система средств, предназначенных для общения, выражения мыслей, чувств, волеизъявлений; язык в узком смысле, как система средств общения,

принятая данным народом на данном этапе его развития; речевая деятельность, осуществляемая посредством языка; речь как устное и письменное использование языка в процессах коммуникации [Кравченко, 1996, 47].

Очевидно, что объектом исследования в сфере языка права и правового языка является юридический текст, порождаемый в рамках профессиональной коммуникации, направленный на достижение профессиональных целей на основе профессионально значимой информации. Мы разделяем точку зрения Н. А. Власенко, который считает, что необходимо различать понятия «язык права» и «правовой язык». «Язык права» – это язык закона. Второй термин – наиболее общий, под ним понимают весь словарный запас, которым оперирует правовая система, включая официальный язык текстов нормативно-правовых актов, терминосистему индивидуальных актов, доктринальный юридический язык и т.д. [Власенко, 1997, 14]. Носителем профессиональной юридической информации является в первую очередь юридический термин. Термин как научный инструмент обеспечивает исследователю адекватное восприятие юридического текста и юридически значимой информации неюридического текста [Левитан, 2012].

Термин, как особый языковой знак, по своим лингвистическим свойствам значительно отличается от обычного языкового знака – слова литературного языка [Гроот, 2003]. Принято считать, что это различие выражается в стремлении термина к «симметрии», в то время как обычный знак-слово, характеризуется асимметричной природой. Идеальный термин, функцией которого является однозначное и точное обозначение специального понятия, стремится к симметрии отношений: одна форма – одно значение. Содержательное наполнение термина, даже если он соотносится с общеязыковым значением, является более строгим и менее явным, поскольку требует для понимания специальных знаний.

Юридическая компаративистская лингвистика – это неотъемлемый элемент сравнительного правоведения. Позитивное право является совокупностью юридических норм, выражающих волю либо правящих политических элит, либо определенных социальных групп общества. Позитивное право закрепляет механизмы политической власти, ее организацию и формы осуществления. Фактическая реализация юридических норм определяет политический режим, существующий в государстве на конкретном этапе его развития, соответствующий конкретным историческим условиям развития данной страны. Изучение правовых аспектов осуществления государственной власти, в значительной степени, представляет собой анализ языковых репрезентаций норм права. Язык является естественной средой бытования права, вне языка не существует права. При этом следует признать первичность правового содержания перед языковой формой выражения. Язык предоставляет возможность многовариантного представления правового содержания, следовательно, анализ особенностей «оязыковлечения» правовых норм в рамках определенной Конституции позволяет делать обоснованные выводы и давать комментарии относительно специфики конституционно-правовой организации общества.

Подавляющее большинство правовых норм государств современного мира в качестве неотъемлемого признака предполагает такое качество как формальная определенность. Критерий формальной определенности юридических норм предполагает наличие писанной, словесной либо конклюдентной документальной формы выражения. Словесная форма выражения юридических норм определяется как лингвистическими особенностями национального языка, так и правилами юридической техники, регламентированными нормами национального права. Следовательно, анализ правовых норм государства, область их применения и объем содержащейся в них информации, необходимо проводить в соответствии с их языковыми репрезентациями в тексте источников права конкретного государства как правовой основы построения общественных отношений [Тихомиров, 2006].

Ведущими концептами правового устройства государства являются концепт закона, права, власти, общества, личности. Взаимодействие данных концептов в рамках определенной правовой культуры составляет особенности ее организации. Будучи репрезентированными в тексте источника права в форме слов, данные концепты попадают в сложную систему семантических и синтаксических отношений, позволяющих делать выводы о степени их значимости и функциональной направленности в контексте определенной конституционно-правовой общности.

Юридическая компаративистская лингвистика – это сегмент прикладной компаративистской эвристики. Данное направление предполагает внедрение в науку ряда новых понятий, которые давно обусловлены отраслевыми исследованиями различных наук, в том числе и юриспруденции и вытекают из методологического характера теоретической науки. Системность юридической терминологии носит специфический характер. Каждое государство имеет свою – в принципе, автономную – юридическую терминологию, даже если оно использует правовой язык, который применяется в других государствах, как, например, в странах общего права.

В некоторых странах действует несколько правовых систем, которые также используют автономную терминологию. Как отмечает Г.Р. Гроот, в Нидерландах существует пять, а возможно и шесть правовых языков [Гроот, 2003, 34-40].

Ярким примером может служить китайский язык, важнейший представитель сино-тибетской (китайско-тибетской) языковой семьи. На китайском говорят, по меньшей мере, 90% населения Китая (один миллиард триста двадцать миллионов человек), он распространен также в Индонезии, Камбодже, Лаосе, Вьетнаме, Мьянме, Малайзии, Таиланде, Сингапуре и других странах, число говорящих на китайском языке за пределами «большого» Китая, включающего Тайвань, Макао (Аомынь) и Гонконг (ныне в составе КНР), составляет примерно 50 млн. Китайской письменностью веками пользовались в таких соседних с Китаем странах, как Япония и Корея, языки которых не родственны китайскому, но где по прежнему используется китайская письменность. Для китайского, как и для большинства других сино-тибетских языков, характерно наличие смысловозначительных тонов,

моносиллабизм почти всех простых слов и – в большей степени, чем для других языков этой семьи, – почти полное отсутствие словоизменительных аффиксов.

В современном китайском языке выделяют девять групп диалектов. Диалекты шести из этих групп распространены в прибрежных и центральных районах:

- 1) диалекты у – в районе городов Шанхай и Нинбо;
- 2) северноминьские диалекты – в районе города Фучжоу;
- 3) южноминьские диалекты – в районе городов Сямынь (Амой), Шаньтоу (Сватоу) и на Тайване;
- 4) диалекты хакка – в районе города Мэйсянь, на северо-востоке провинции Гуандун и на юге провинции Цзяньси;
- 5) кантонский – в центральной и восточной части провинции Гуандун, в том числе в городе Гуанчжоу (Кантон);
- 6) диалекты сян – в провинции Хунань.

Эти шесть групп диалектов распространены примерно на четверти территории Китая, на них говорит треть китайскоязычного населения страны. Друг от друга, а также от северных диалектов, на которых говорят на остальной территории страны, эти группы отличаются примерно в такой же степени, в какой нидерландский язык отличается от английского или итальянский от французского. Кроме того, существуют три подгруппы северных диалектов (в западной традиции называемых мандаринскими): северная, включающая диалект Пекина, а также южная и центральная, на которых говорят, в частности, в городах Нанкин и Чунцин. Эти подгруппы различаются примерно так же, как английский язык Новой Англии в США и Австралии, и поэтому они зачастую взаимопонимаемы. Общепринятый нормативный китайский, или общенациональный язык путунхуа, основан на диалекте Пекина (иначе Бейцзина, как по настоянию китайцев стало воспроизводиться на Западе название столицы Китая).

Другим примером выступает английский язык. Он представляет германскую языковую семью. В качестве официального английский язык используется в таких государствах как Объединенное королевство Великобритании и Северной Ирландии, США, Австралия, Новая Зеландия, Барбадос, Индия и других странах современного мира. Это не менее четверти населения современного мира. Английский язык, также имеет свои диалекты, но, тем не менее, используется в качестве универсального языка международного общения и пользуется наибольшей популярностью в сравнительно-правовых исследованиях.

Юридическая компаративистская лингвистика – это результат конвергенции лингвистики и юриспруденции – особая сфера гуманитарного знания. Язык и право тесно связаны и находятся в отношениях взаимодействия: язык оказывает влияние на право (например, в случае грамматического толкования правовой нормы), и право может оказывать значительное воздействие на язык [Гроот, 2003; Толстых, 2013]. Можно привести примеры, когда в некоторых странах, например в Нидерландах, законы определяют орфографию языка.

Заключение

Таким образом, специфическая системность юридической терминологии, тесная связь языка и права влекут определенные последствия для специалистов в области сравнительного правоведения: их научная деятельность неразрывно связана с необходимостью переводить юридические тексты, им приходится сообщать на своем языке о содержании иностранной правовой системы и информировать о собственной системе на других правовых языках. Перевод юридической информации является одним из ключевых пунктов сравнительного права.

Возможность корректного понимания и перевода специального юридического текста обеспечивает владение юридической терминологией, строго привязанной к правовой системе.

Библиография

1. Власенко Н.А. Язык права. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1997. 173 с.
2. Гроот де Г.Р. Язык и право // Ежегодник сравнительного правоведения. М.: Норма, 2003. С. 34-41.
3. Гумбольдт В.О. сравнительном изучении языков применительно к различным эпохам их развития // Рамишвили Г.В. (ред.) Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984. С. 307-323.
4. Звегинцев В.А. История языкознания в XIX-XX веков в очерках и извлечениях. М.: Просвещение, 1964.
5. Кравченко А.В. Язык и восприятие: Когнитивные аспекты языковой категоризации. Иркутск: Изд-во Иркутского ун-та, 1996. 160 с.
6. Кромм М.М. Введение в историческую компаративистику. СПб.: Изд-во европейского университета в Санкт-Петербурге, 2015. 248 с.
7. Куликова И.С., Салмина Д.В. Введение в металингвистику (системный, лексикографический и коммуникативно-прагматический аспекты лингвистической терминологии). СПб.: САГА, 2002. 352 с.
8. Левитан К. М. Юридический перевод и сравнительное правоведение // Российский юридический журнал. 2012. № 5. С. 46-55.
9. Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1977. 689 с.
10. Тихомиров Ю. А. Сравнительное правоведение: развитие концепций и общественной практики // Журнал российского права. 2006. № 6. С. 3-15.
11. Топоров В. Н. Сравнительно-историческое языкознание // Лингвистический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 486-490.
12. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб.: А-сид, 1994. 408 с.
13. Kuhn T. S. The Structure of Scientific Revolutions. Chicago: University of Chicago Press, 1962. 210 p.

Convergence and legal linguistic methods in comparative law: legal comparative linguistics

Tat'yana V. Amosova

PhD in Philology, Associate Professor,
Head of the Department of Humanitarian and Socio-Economic Disciplines,
Irkutsk Law Institute, branch of the Academy of General Prosecutor's Office
of the Russian Federation,
664000, 1 Shevtsova str., Irkutsk, Russian Federation;
e.mail: ipkpr@irmail.ru

Aleksei V. Yurkovskii

PhD in Law, Associate Professor,
Head of the Department of State Legal Disciplines,
Irkutsk Law Institute, branch of the Academy of General Prosecutor's Office
of the Russian Federation,
664000, 1 Shevtsova str., Irkutsk, Russian Federation;
e-mail: avyurkovsky@mail.ru

Elena A. Yurkovskaya

PhD in Philology,
Associate Professor at the Department of English Philology,
Eurasian Institute of Linguistics of Moscow State Linguistic University,
664025, 8 Lenina str., Irkutsk, Russian Federation;
e-mail: info@islu.ru

Abstract

Objective. This article analyzes the applicability of the methodology of linguistics and comparative law. The authors present and analyze the most stable and fundamental ideas, sources and requirements of the humanities mentioned above. The article also deals with specificity of the convergence of linguistic and comparative law methods. **Methodology.** The methodology of the work includes the application of general scientific methods such as analysis, comparison and method of systemic analysis. **Results.** A formulation of Legal Comparative Linguistics was suggested, which is important for determining subsequent linguistic and comparative legal studies of legal matter formation, legal regulation realization, social and moral guidelines of law making, legal interpretation and law enforcement. The Result of this

research is the proof of a working hypothesis: the legal comparative linguistics is the integral element of comparative law. Language is the habitat of an existing of the law, there is no law out of language. At the same time it is necessary to recognize the primacy of legal contents. Language gives an opportunity of multiple submissions of the legal contents; therefore, the analysis of features of "translation into language" of precepts of law within a certain Constitution allows to draw the valid conclusions and to give comments about specifics of the constitutional and legal organization of society. **Conclusion.** The translation of legal information is one of key points of the comparative law. The possibility of correct understanding and the translation of the special legal text provides proficiency of the terms of law which is strictly tied to legal system.

For citation

Amosova T.V., Yurkovskii A.V., Yurkovskaya E.A. (2016) Konvergentsiya yuridicheskikh i lingvisticheskikh metodov v sravnitel'nom pravovedenii: yuridicheskaya komparativistskaya lingvistika [Convergence and legal linguistic methods in comparative law: legal comparative linguistics]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 9, pp. 96-107.

Keywords

Linguistics, comparative law, language, term, legal rules and regulations, positive law, values, legal principles, state power, legal comparative linguistics.

References

1. Vlasenko N.A. (1997) *Yazyk prava* [Law language]. Irkutsk: Vostochno-Sibirskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ.
2. Groot de G.R. (2003) *Yazyk i pravo* [Language and law]. *Ezhegodnik sravnitel'nogo pravovedeniya* [Yearbook of comparative jurisprudence]. Moscow: Norma Publ.
3. Gumbol'dt V. (1984) O sravnitel'nom izuchenii yazykov primenitel'no k razlichnym epokham ikh razvitiya [The comparative study of languages in relation to different periods of their development]. In: Ramishvili G.V. (ed.) *Izbrannye trudy po yazykoznaniiyu* [The chosen works on linguistics]. Moscow: Progress, Publ, pp. 307-323.
4. Zvegintsev V.A. (1964) *Istoriya yazykoznaniiya v XIX-XX vekov v ocherkakh i izvlecheniyakh* [Linguistics history in the 19-20th centuries in sketches and extraction]. Moscow: Prosveshchenie Publ.
5. Kravchenko A.V. (1996) *Yazyk i vospriyatie: Kognitivnye aspekty yazykovoï kategorizatsii* [Language and Perception: Cognitive aspects of language categorization]. Irkutsk: ISU Publ.

6. Kromm M.M. (2015) *Vvedenie v istoricheskuyu komparativistiku: uchebnoe posobie* [Introduction to the historical comparativistic]. St. Petersburg: European University at St. Petersburg Publ.
7. Kulikova I.S., Salmina D.V. (2002) *Vvedenie v metalingvistiku (sistemnyi, leksikograficheskii i kommunikativno-pragmaticheskii aspekty lingvisticheskoi terminologii)* [Introduction into the metalinguistics: lexicographical and communicative pragmatic system aspects]. SPb.: SAGA Publ.
8. Levitan K.M. (2012) Yuridicheskii perevod i sravnitel'noe pravovedenie [Legal translation and comparative law]. *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal* [Russian Law Journal], 5, pp. 46-55.
9. Sossyur F. De (1995) *Cours de linguistique générale*. Paris: Payot Publ. (Russ. ed.: Sossyur F. de. (1977) *Trudy po yazykoznaniiyu*. Moscow: Progress Publ.)
10. Tikhomirov Yu.A. (2006) Sravnitel'noe pravovedenie: razvitie kontseptsii i obshchestvennoi praktiki [Comparative jurisprudence: development of concepts and public practice]. *Zhurnal rossiiskogo prava* [Russian Law Journal], 6, pp. 3-15.
11. Toporov V.N. (1990) Sravnitel'no-istoricheskoe yazykoznanie [Comparative and Historical Linguistics]. *Lingvisticheskii slovar'* [Linguistic dictionary]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya Publ.
12. Foucault M. (1966) *Les Mots et les choses. Une archeologie des sciences humaines*. Paris. (Russ. ed.: Fuko M. (1994) *Slova i veshchi. Arkheologiya gumanitarnykh nauk*. St. Petersburg.: A-cad Publ.)
13. Kuhn T.S. (1962) *The Structure of Scientific Revolutions*. Chicago, University of Chicago Press.